

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ ПОЭТА, ДИПЛОМАТА И ЧИНОВНИКА ДАНИЭЛЯ ХЕРМАНА КАК ИСТОЧНИК БИОГРАФИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Айя Тайминя

Академическая библиотека Латвийского университета, Рига

aija.taimina@lu.lv

Литературное наследие прусского поэта Даниэля Хермана (*Daniel Hermann*, 1543–1601) занимает достойное место в традиции неолатинской литературы XVI века в Восточной Европе, особенно в немецкоязычных странах. Хорошо известна и его поэма об инклюзах в янтаре (1583). В последнее время заметно возрождение интереса к его сочинениям в Германии (Марбург), в Польше (Гданьск), в Швеции (Лунд), в России (Калининград), в Латвии (Рига).

С Ригой связаны последние двадцать лет жизни Хермана, которая так богата странствиями, происшествиями, впечатлениями, встречами. В Риге он по любви женился, здесь он похоронен, здесь посмертно издано его поэтическое наследие. Том *Poemata* (1614–1615), вышедший в типографии первопечатника Риги Н. Моллина, считается самым полным собранием латинских стихов Хермана. Городской библиотеке Риги (ныне — Академическая библиотека Университета Латвии, АБУЛ) в XVII веке было передано его личное книжное собрание.

Книжный мир для каждого гуманиста представлял особенную ценность, страсть к книгам, к чтению, к общению посредством слова стала необходимостью, характерной чертой мультикультурной интеллектуальной элиты позднего Ренессанса.

Личная библиотека Хермана вызывала постоянный интерес исследователей уже начиная с конца XIX века. На особенную ценность этого собрания как в культурно-историческом, так и в книговедческом аспекте указывали видные исследователи (Николаус Буш (1926), Оярс Зандерс (2011), Клаус Гарбер (2007)). Но до сих пор было крайне трудно судить о составе и объеме библиотеки из-за отсутствия перечня книг.

Лишь благодаря владельческой записи *Ex Bibliotheca Danielis Hermanni Nidb. Boruss.* и обширным дарственным посвящениям на латыни, характерным для личных книг Хермана, а также посредством палеографических исследований стало возможно частично реконструировать его разрозненную библиотеку,

которая пострадала во время Второй мировой войны. Было установлено, что тридцать один том (в собрании АБУЛ-29, в НБЛ-2) происходит из собрания Хермана; в состав списка включены также сведения об одиннадцати книгах Хермана, которые в наши дни не сохранились. Также были обнаружены ранее неизвестные архивные документы и редкие печатные источники, касающиеся его деятельности в Лифляндии в качестве ревизора и секретаря при польском правлении.

В библиотеке Хермана находились особо ценные издания, напечатанные известными типографами в Базеле (Опорин), Париже (Р. Этьённ), Венеции (Альд Мануций) в период с 1495 по 1586 год.

Книги Хермана в основном являются свидетелями и участниками его *peregrinatio academica*: в течение 14 лет (1558–1672) он посещал ряд университетов (Кёнигсберг, Страсбург, Базель, Гейдельберг, Ингольштадт, Виттенберг), где изучал латинскую и греческую литературу, поэтику, теологию, право. Издания на греческом и латинском языках с дарственными записями на титульных листах он получал как от своих друзей-студентов, так от преподавателей. Особенно важным для Хермана было время, проведенное в Страсбурге (1558, 1567), обучение в гимназии, личное знакомство с ректором Иоганнесом Штурмом и выдающимися преподавателями гимназии (Ф. Меланхтоном, Ио. Левенклау). Херман дорожил как книгами с дружественными посвящениями, так и записями того времени в памятный альбом (ныне находится в Лунде).

Книжное собрание Хермана пополнялось и позже, во время его службы при дворе Рудольфа II в Праге и в Вене. Можно предположить, что сундук с книгами сопровождал его и в военных походах Стефана Батория в Московию, когда Херман как представитель Данцига, как писарь и один из секретарей короля пребывал в осадных лагерях при Полоцке и Соколе (1579, 1580). Об участии Хермана в Ливонской войне свидетельствуют как его поэтические труды, так и записи в памятном альбоме.

Представляется, что именно среди своих книг литератор-гуманист приобретал настоящее умиротворение, книги его окружали и в те дни, когда в одной из них Херман записал полные смирения строки *Je lenger, je lieber ich bin allein, den trew und wahrheit ist worden klein* (чем дольше, тем больше я одинок, верность и истина стали ничем). В таком случае понятна и заключительная фраза из сочиненной им самим надгробной надписи (раньше — в Домском соборе Риги) *Nec mihi vita brevis, nec mihi longa suit* (жизнь мне не коротка и не длинна).